

Проблема чести в средневековой Руси XI–XII вв.

Ежков Никита Юрьевич

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
кафедра истории России, IV курс

Ежков Н. Ю. Проблема чести в средневековой Руси XI–XII вв. Статья посвящена проблеме чести в древнерусском государстве XI–XII вв. На основании изучения источников и анализа литературы была выдвинута точка зрения, что честь в средневековой Руси имела как материальную, так и идеальную выраженность. Также осуществлена попытка объяснить некоторые особенности понятия «честь» в более поздний период исходя из особенностей ее существования в XI–XII вв.

Ключевые слова: честь, средневековая Русь, вещь, почет, слава.

Ежков М. Ю. Проблема чести в средневеочній Русі XI–XII ст. Стаття присвячена проблемі чести в давньоруській державі XI–XII ст. На підставі вивчення джерел і літератури була висунута точка зору, що честь в средневеочній Русі мала як матеріальну, так і ідеальну вираженість. Також здійснена спроба пояснити деякі особливості поняття «честь» в більш пізній період виходячи з особливостей її існування в XI–XII ст.

Ключові слова: честь, средневеочна Русь, річ, шана, слава.

Yezhkov Nikita. The problem of honor in medieval Russia XI–XII centuries. The article deals with the problem of honor in the Old Russian State XI–XII centuries. Based on the study of sources and analysis of the literature it has been put forward the view that honor in medieval Russia had both material and ideal expression. Also made an attempt to explain some features of the concept of «honor» in the later period based on the characteristics of its existence in XI–XII centuries.

Keywords: honor, Medieval Russia, thing, fame.

В момент нашого звернення к проблеме чести сложно однозначно сказать, с чем мы сталкиваемся: с идеальным или материальным / с духовным или вещественным. Точки зрения на честь как объект исследования настолько противоположные, что в некоторых случаях невозможно полностью понять, о чем идет речь. Прежде всего, эта сложность связана с непрерывным развитием языка: смыслы, которыми в разное время наделяли понятие «честь», отличаются друг друга, и создают ситуацию неочевидности «чести» как объекта, его постоянного ускользания. В первую очередь это касается изучения элементов, какими их видел П. Бицилли [1], и категорий средневековой культуры, какими их представлял А. Гуревич, по мнению которого «эти категории запечатлены в языке, а также в других знаковых системах» [3, с. 16].

Историография проблемы чести в средневековой Руси достаточно четко демонстрирует всю сложность рассматриваемого вопроса. Статья Ю. Лотмана «Об оппозиции «честь»

и «слава» в светских текстах Киевского периода» [8], написанная в 1967 г., сразу вызвала научный интерес и стала причиной настоящей дискуссии, начало которой было положено написанной в ответ на работу Ю. Лотмана статьей А. Зимина «О статье Ю. Лотмана «Об оппозиции честь-слава в светских текстах Киевского периода» [5], где автор критикует мысль Ю. Лотмана о том, что честь в древнерусском государстве эпохи написания текста «Слова о полку Игореве» имела ярко выраженную социальную окраску и могла быть применима только по отношению к младшим феодалам. Ю. Лотман в ответ на точку зрения А. Зимина написал еще одну статью, уточнив некоторые свои взгляды и в целом оставшись на прежних позициях. В современной историографии можно выделить ряд статей, в которых авторы продолжают изучать феномен чести в средневековой Руси. Среди этих работ стоит выделить статьи Л. Черной [17], Н. Коллманн, П. Стефановича [16] и О. Кошелевой [6]. Перечисленные исследователи по-своему продолжают спор, начатый Ю. Лотманом и А. Зиминим, чаще отдавая должное убеждениям последнего, взгляды же Ю. Лотмана признаются ими не полностью аргументированными и объективными. Статьи Л. Черной (эту работу в большей степени можно считать филологической) и П. Стефановича построены на большом количестве источников и достаточно полно освещают особенности использования в древнерусском государстве понятия «честь», сферы ее распространения и особенности эволюции, однако критика идей Ю. Лотмана в некоторых случаях кажется неаргументированной и иногда не полностью логичной. То же можно сказать и о работах Н. Коллманн и О. Кошелевой – в первом случае автор критикует мнение Ю. Лотмана, но не отказывается от того, что честь в XI–XII вв. указывала и на определенный социальный статус, а во втором – и вовсе спор Ю. Лотмана – А. Зимина объявляется завершенным в пользу А. Зимина. Мы же настаиваем на том, что этот спор отнюдь не завершен, и на том, что, скорее всего, понятие «честь» в средневековой Руси носило как иде-

альную, так и материальную нагрузку. В какой мере, на наш взгляд, проявлялись обе эти нагрузки, мы скажем ниже.

В ходе написания статьи использовались разные виды источников, однако основное внимание было уделено анализу художественных произведений того времени, в первую очередь – «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве».

По всей видимости, в средневековой Руси XI–XII вв. концепт «честь» имел материальную, социальную и в некоторых случаях сакральную нагрузки, и лишь в исключительных – морально-этическую, привычную и более или менее устоявшуюся сегодня. Тяжелее всего сделать какие-то выводы о социальной нагрузке понятия «честь». Как мы уже говорили, Ю. Лотман был сторонником той точки зрения, что «честь» в памятниках древнерусской литературы используется только по отношению к вассалам, подчиненным своему феодалу [8, с. 111, 113–115]. Слова «ищучи себе чти, а князю славы» из «Слова о полку Игореве» представлялись ему формулой, соответствующей реальным взаимоотношениям между вассалом и феодалом. Похожий взгляд, указывающий на обладание честью как указание на социальный статус, можно встретить и в «Изборнике» 1076 г. Таким образом, честью мог обладать только подчиненный феодалу, феодал в свою очередь мог обладать тем, что не имело какой-либо материальной нагрузки – славой. Неслучайно в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. Срезневского «слава» приобретает неожиданное значение – «слово» [14, с. 404–406]. «Слава» и «слово» – нематериальны, бесценны и поэтому связываются только с высшими общественными группами. Не исключено, что даже название сочинения «Слово о полку Игореве» может пониматься как «Слава о полку Игореве». Такую ситуацию могло создавать строгое следование социальной иерархии, которая, безусловно, была одной из важнейших черт средневекового общества. Однако другие источники доказывают, что честью могли обладать не только вассалы. Старославянский словарь по рукописям X–XI вв. трактует «честь» как почет, уважение,

почтение, достоинство [15, с. 786–787], которые могли быть связанными и с самими феодалами, и с остальными членами общества, что, например, доказывают слова из «Повести временных лет» «мы же, хрестьяне суще, не воздаем почести...» [11, с. 89]. В данном случае «хрестьяне» это размытое с социальной точки зрения сообщество, но указывающее на то, что оно могло объединять всех, а «почести» выступают синонимом «чести», обозначая как «почет» и «уважение», так и материально выраженную награду. Вообще «честь» в памятниках древнерусской литературы балансирует между духовным и вещественным, часто одновременно выражая и то, и другое. В «Договоре Руси с Византией» X в. царь Леон отпускает русских послов «в свою землю с великою честью [4, с. 14]». Скорее всего, здесь «честь» можно воспринимать и как почести / материально выраженная награда, и как почет и уважение. Однако в большинстве случаев «честь» все-таки тяготеет к обозначению вещественного. По тонкому наблюдению Ю. Лотмана «честь» в светских текстах киевского периода чаще всего берут или дают [7, с. 123], т. е. с ней обращаются как с вещью. В «Повести временных лет» княгиня Ольга так обращается к древлянам: «Любезна мне речь ваша, мужа моего уже не воскресить, но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими» [11, с. 238]. Здесь идет речь исключительно о материальном вознаграждении, так же как и в словах Владимира Блуду, воеводе его брата Ярополка: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня» [11, с. 252]. Примечательно, что здесь рядом стоят «почитать» / т. е. уважать и «честь», которая в связке с «почитать» может значить только одно – щедрое материальное вознаграждение. Так же понимается «честь» и в сочинении «Моление Даниила Заточника», в котором автор сравнивает честь с богатством и материальным вознаграждением [10]. Строгая регламентация средневекового общества, четкое следование ритуалам как еще одни важнейшие особенности этого периода, были при-

чиной очень сложных явлений, понять которые вне особенностей средневекового общества невозможно. Получение «чести» как дара, вознаграждения не было целью получающих. Более того, для них было принципиально важно избавиться от вещной выраженности вещи, т. е. награды. Иными словами, ценностью оставался сам факт получения награды, выражавший доблесть, храбрость, патриотизм, верность феодалу. Получив вознаграждение, с ним чаще всего стремились как можно быстрее расстаться – раздарить, проиграть, пропить – одним словом, уничтожить [8, с. 113].

Развитие чести как чувства собственного достоинства долгое время всеми возможными способами пресекалось государством, которое претендовало на полное подчинение себе попыток проявить и защитить свою честь самостоятельно. Еще одним сдерживающим фактором была церковь. В ее понимании честь принадлежит только Богу, проявлять же ее богобоязненному, благочестивому человеку бессмысленно. Неслучайно на Руси существовала традиция, по которой запрещалось хоронить по православному обряду скоморохов / актеров / лицедеев и дуэлянтов, посмеявших нарушить закон и защитить свою честь. По дуэльному законодательству Петра I дуэлянты приговаривались к смертной казни путем повешения вверх (!) ногами [12, № 3006]. Чести в сегодняшнем понимании долгое время не давали развиваться, поэтому и сохранялись материально выраженные особенности понятия «честь»: «отдать честь», «честь имею», где «честь» явно связывается с чем-то материальным. Интересно, что и оскорблялся человек вещью – бросок перчатки в лицо / личность был также действием ритуальным. Однако в XVIII–XIX вв. понятие «честь» действительно начинает приобретать новые черты. Г. Гегель называл ее романтической честью. По мнению А. Мельниковой, автора книги «Язык и национальный характер», в Россию эта романтическая честь пришла вместе с западноевропейской традицией чести и дуэли как способа ее защитить, соответственно причина такого изменения также,

по всей видимости, состоит в особенностях уже западного языка, носителями которого были представители тогдашнего российского дворянского сословия [9, с. 309–310]. Так произошла замена материальной выраженности понятия «честь» на морально-этическую. Социальная же наполненность стала еще более ярко выраженной – право на обладание честью в Российской империи имели только дворяне.

Итак, на наш взгляд, понятие «честь» в древнерусском государстве XI–XII вв. имело несколько смысловых нагрузок: материальную, социальную, религиозную и морально-этическую, однако, скорее всего, чаще всего «честь» была связана с выражением материального: дара, награды, трофея и т. д. Это позволяет нам сделать вывод, что восприятие чести в средневековой Руси балансировало между материальным и идеальным. Показательно, что во многом такое восприятие чести продолжало существовать вплоть до конца XVIII–XIX вв. – с тех пор в первую очередь честь стала восприниматься только как морально-этическая категория.

Литература

1. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры / П. М. Бицилли. – СПб., 1995.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М., 2002.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1972.
4. Договор Руси с Византией X в. // Памятники права Киевского Государства X–XII веков. – М., 1952. – С. 3–73.
5. Зимин А. А. О статье Ю. Лотмана «Об оппозиции честь-слава в светских текстах Киевского периода» / А. А. Зимин // Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 284. Труды по знаковой системе. – Тарту, 1971. – Т. V. – С. 464–468.
6. Кошелева О. «Честь» и «порука» – гаранты доверия в России Средневековья и эпохи Просвещения / О. Кошелева

- [Электр. ресурс] – Режим доступа: http://perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/koseleva_ehre/. Доступ – 29.05.2015.
7. *Лотман Ю. М.* Еще раз об о понятиях «слава» и «честь» в текстах Киевского периода / Ю. М. Лотман // *Избранные статьи в 3 т.* – Таллинн, 1992. – Т. 3. – С. 121–127.
 8. *Лотман Ю. М.* Об оппозиции «честь» и «слава» в светских текстах Киевского периода / Ю. М. Лотман // *Избранные статьи в 3 т.* – Таллинн, 1992. – Т. 3. – С. 111–121.
 9. *Мельникова А. А.* Дуэль в России в контексте языковой специфики / А. А. Мельникова // *Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности.* – СПб., 2003. – С. 277–311.
 10. *Моление Даниила Заточника* [Электр. ресурс] – Режим доступа: http://www.velib.com/read_book/daniil_zatochnik/molenie_daniila_zatochnika/. Доступ – 28.05.2015.
 11. *Повесть временных лет* / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М., 1950.
 12. *Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е.* – СПб., 1830. – Т. 5. – 728 с.
 13. *Слово о полку Игореве* / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М., 1950.
 14. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка / И. И. Срезневский. – СПб., 1903.
 15. *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков). – М., 1999.
 16. *Стефанович П. С.* Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси / П. С. Стефанович // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* – 2004. – № 2 (16). – С. 63–87.
 17. *Черная Л. А.* «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII веков / Л. А. Черная // *Древнерусская литература. Изображение общества.* – М., 1991. – С. 56–84.